

УДК 94(516)

**О ВЫСЫЛКЕ “ВРЕДНЫХ” МУСУЛЬМАН ИЗ ЦАРСКОГО ТУРКЕСТАНА
(ПО АРХИВНЫМ МАТЕРИАЛАМ)**

В.П. Литвинов

Рассматриваются проблемы применения царизмом административной ссылки по отношению к “вредным” для его власти в Туркестане мусульманам.

Ключевые слова: Туркестан; мусульмане; духовенство; административная ссылка; Западная Сибирь; Оренбургский край.

**ABOUT EXILE OF “HARMFUL” MOSLEMS FROM TSARIST TURKESTAN
(ON THE BASIS OF ARCHIVAL MATERIALS)**

V.P. Litvinov

The problems of application by tsarism of administrative exile in regard to “harmful” to its authority in Turkestan Moslems are considered.

Key words: Turkestan; Moslems; clergy; administrative exile; Western Siberia; the Orenburg Territory.

В июне 1865 г. военный губернатор Туркестанской области генерал-майор М.Г. Черняев штурмом овладел важным торгово-экономическим и культурным центром Средней Азии – Ташкентом. Операция была быстрой и обошлась для русских без серьезных потерь. Генерал был уверен в успехе: в городе давно сложилась сильная пророссийская партия, состоявшая из наиболее состоятельных людей, связанных прочными узами экономических интересов не только с рынками Оренбуржья и Сибири, но и внутренней России. Ее поддерживали широкие слои ремесленничества, изделия которого тоже имели российский товарный вектор. Кроме того, не против прихода русских была и значительная часть ташкентцев, никак не связанных с Россией экономически, но уставших от бесконечных распрей из-за права владеть городом между среднеазиатскими ханствами, сопровождавшихся войнами, грабежами, разбоем, насилием и т. п., что надолго разоряло хозяйственную жизнь горожан. Вместе с тем, многие ташкентцы были настроены против России и активно участвовали в обороне города. Возглавляло антирусскую партию горожан мусульманское духовенство, опиравшееся на “муллабачей” – студентов множества медресе Ташкента. Оно запугивало людей тем, что русские устроили “крестовый” поход, в результате которого все мусульмане будут насильно обращены в христианство. Генерал

Черняев хорошо знал об этом из данных военной разведки, агенты которой давно уже укоренились в городе. Но не только из них. Еще до взятия Ташкента, 26 февраля 1865 г., генерал-квартирмейстер А. Веригин писал ему о том, что “опыт российских действий на Кавказе показал, что влияние мусульманского духовенства на народ прямо противоположно нашим интересам, возбуждая фанатизм и вражду к нам подвластным нам племен, поэтому в настоящем случае нужно избегать всех тех мер, которые могли бы способствовать усилению влияния мусульманского духовенства на население Туркестанской области”¹.

В отчете Оренбургского генерал-губернатора, генерал-адъютанта Н. Крыжановского об управлении Оренбургским краем с февраля 1865 г. по март 1866 г. был выделен специальный раздел: “Удаление из Ташкента вредных людей”, в котором тот писал о том, что “по взятии Ташкента несколько лиц, известных враждебным противу России настроением и влиянием на окружающих были по необходимости удалены административным порядком из места жительства в губернии Сибири”².

¹Цит. по: *Серебрянников А.Г.* Туркестанский край: сборник материалов для его завоевания / А.Г. Серебрянников. 1865. Т. 19. Ч. 1. СПб., 1914. С. 90.

²ГАРФ. Ф.678. Оп. 1. Д. 617. Л. 46.

Мы полагаем, что Черняев высылал в административном порядке из Ташкента не лиц именно мусульманского духовенства (хотя они и относились к нему), а тех, кто принадлежал к числу главных организаторов антирусской партии в городе. Поэтому, на наш взгляд, сугубо религиозный фактор тут не имел первенствующего значения. Просто исламское духовенство, как главный хранитель консервативных устоев традиционной жизни мусульман Туркестана, по определению должно было оказаться в вышеуказанной роли организаторов сопротивления русским. Возникает вопрос: как мог Черняев, после взятия Ташкента, так быстро определить, кого именно, по степени наибольшей опасности для русской власти, следует выслать в первую очередь? Мы отчасти ответили на этот вопрос выше. Совершенно очевидно, что агенты русской военной разведки сообщили заранее о том, кто возглавляет антирусскую (пробухарскую) партию в городе. Поэтому Черняев после взятия Ташкента быстро арестовал 8 человек (по иным данным – 9) и тут же отправил их в ссылку с тем, чтобы обезглавить все антирусские силы города. Таким образом, из города были высланы: мулла Салих, Салимбек-ахун, Сатывалды-ходжа, Мирдзалим-ахун, Музаффар-Куча, Халимбай-мирза, Фаизбай и др. Обо всем остальном, с ними связанном, будет еще сказано ниже. Но возникает вопрос: можно ли было удерживать ситуацию в только что взятом городе только применением карательных мер в виде той же административной ссылки? Безусловно, нет. Однако Черняев не только смог контролировать ситуацию в Ташкенте, но и укрепил в нем “русскую” власть. Почему ему это удалось? Некоторые полагали (в частности, в военном министерстве), что он слишком “либеральничал” и даже “лебезил” перед ташкентским духовенством. Хорошо знакомый нам туркестановед пишет: “То обстоятельство, что Черняев явно не заискивал перед мусульманским духовенством, подтверждается тем, что после взятия Ташкента он выслал за пределы края тех его представителей, которые были наиболее агрессивны настроены по отношению к России. Однако он действовал умеренно – высланных оказалось всего 9 человек”¹ (курс. наш – В.Л.). Несмотря на скорые и решительные меры Черняева по высылке группы “вредных” туземцев, это ни в коей мере не умалило ни престиж самого военного губернатора Туркестанской области, ни новой власти. Напротив, молодой русский генерал приобрел огромный авторитет среди “туземцев”, прозававших его “Шир-наиб” (“Предводитель львов”). Зарубежный исследователь Д. Маккензи писал о том,

¹ Литвинов П.П. Государство и ислам в Русском Туркестане. 1865–1917: по архивным материалам / П.П. Литвинов. Елец, 1998. С. 5.

что “феномен личной храбрости Черняева породил среди туземцев легенды... кроме того, он показал уважение к их вере и обычаям, запретил расквартирование войск в их домах, освободил на год от податей и это подорвало враждебную активность клерикальных и пробухарских элементов”². Кто мог в этой обстановке воспринять известие о высылке нескольких “смутьянов” из Ташкента как повод к восстанию против власти пришельцев? Вопрос риторический. Но мы все же полагаем, что всех личных качеств Черняева как полководца и администратора явно не хватило бы для того, чтобы упрочить русскую власть в Туркестане на столь длительный срок. Значит, должны были быть иные тому причины. Придерживаясь диалектического метода познания, мы считаем, что истинные причины успеха или краха любого явления всегда надо искать в объективно сложившейся экономической парадигме. И это подтверждается документами. В секретной “Записке о местных условиях русской политики в Средней Азии”, представленной штабом Оренбургского военного округа в военное министерство в июне 1865 г., отмечалось, что в Ташкенте среди мусульманского населения есть разные “партии”, в том числе и “русская”, желающая его присоединения к России. Указывалось, что в донесениях тайных агентов “о религиозном фанатизме при различии этих ташкентских партий не упоминается, потому что все одинаково строги насчет мусульманского приличия и одинаково равнодушны к вере, когда дело идет о денежных выгодах. Самая нетерпимость иноверных торговцев гораздо более основана на меркантилизме, нежели на фанатизме, который более служит благовидным предлогом”³ (курс. наш – В.Л.). Думается, что во взятии Ташкента были даже более заинтересованы не сами русские, а те представители торгово-экономической и финансовой элиты Туркестана, о которых мы писали выше. Но здесь не лишне добавить, что и многие представители мусульманского духовенства, сотрудничавшие с тогдашним туркестанским “бизнес-сообществом”, тоже имели свои деловые намерения в отношении России, особенно те, кто имел крупные и доходные вакуфы. Поэтому немудрено, что в обороне Ташкента от русских войск, как отмечалось выше, участвовали преимущественно мусульманские фанатики из числа преподавателей медресе (мударрисов) и покорные их воле студенты медресе – “муллабачи”.

Естественно, что мы не вправе ограничить рассмотрение темы только вышеизложенным. Воз-

² Mackenzie David. The Lion of Tashkent. The Career of general M.G.Cheniaev. Univ. of Georgia Press. Athens, 1974. P. 61.

³ Цит. по: Серебрянников А.Г. Туркестанский край: сборник материалов для его завоевания / А.Г. Серебрянников. 1865. Т. 19. Ч. 1. СПб., 1914. С.170

никает еще один закономерный вопрос: а как сложилась судьба ссыльных ташкентцев дальше?

7 августа 1865 г. Начальник Главного управления Западной Сибирью генерал от инфантерии А.О. Дюгамель писал военному министру Д.А. Милютину о том, что военный губернатор Семипалатинской области сообщил ему рапортом, что “управляющий Туркестанской областью”, генерал-майор М.Г. Черняев уведомил его, что после взятия Ташкента им было “арестовано 9 чел. сартов, оказавшихся вредными тамошнему населению и между ними мулла Салюбек (Салих-бек – В.Л.), самый опасный для нас фанатик”. Дюгамель сообщал, что Черняев направил “сартов”¹ сначала в укрепление Верное, куда уже прибыли 6 чел. из них. Далее, по просьбе Черняева, их должны разделить на группы по 2 чел. в каждой, которые поочередно “будут отправлены в Семипалатинск”. Дюгамель отмечал, что 21–23 июля 1865 г. все они были отправлены в Омск к тамошнему губернатору. Он просил Милютину указать, “к какому роду ссыльных следует причислить упомянутых сартов, из каких источников и в каких размерах выдавать им содержание”. Он предлагал также решить вопрос: следует ли и далее напрямую принимать таких “посланцев” Черняева, поскольку по закону все распоряжения о ссылке “приводятся в исполнение только по отзывам Министерства внутренних дел”. Дюгамель отмечал, что поскольку Туркестанская область находится в ведении Оренбургского генерал-губернатора, то пусть Черняев ссылает своих “вредных” мусульман на территории тому подведомственные². Одновременно копию своего письма военному министру Дюгамель направил в адрес Оренбургского генерал-губернатора.

24 августа 1865 г. Оренбургский генерал-губернатор, генерал-адъютант Крыжановский писал военному министру о том, что он получил письмо Дюгамеля, в котором тот уведомил его о “сартах”, сосланных Черняевым из Ташкента в Сибирь и о незнании им того, что делать далее с ними. Крыжановский отмечал, что Главное управление Западной Сибирью просит, “чтобы на будущее время главное начальство Туркестанской области не ссылало во вверенный ему край никаких лиц, так как это делается исключительно по распоряжению министра внутренних дел”³. Он указывал, что решение вопроса о ссылаемых из Туркестанской области “сартах” следует передать ему как непосредственному начальнику этой области, чтобы он потом сам решал вопрос о том, куда их направ-

лять, с генерал-губернатором Западной Сибири и министром внутренних дел. Военный министр, получив этот рапорт Крыжановского, дал указание Главному управлению Генерального Штаба (далее: ГУГШ) выяснить вопрос о том, каким образом и за чей счет будут содержаться ссыльные из Ташкента. 11 сентября 1865 г. ГУГШ обратилось в Аудиториатский департамент военного министерства с просьбой решить этот вопрос, а также определить, к какой категории ссыльных они должны быть причислены. Одновременно был сделан такой же запрос и в Главное Интендантское управление военного министерства.

18 сентября 1865 г. Генерал-аудитор писал в ГУГШ о том, что относительно закона, по которому следует содержать ссыльных, оно должно войти в контакты с МВД. Он указывал, что и Главное Интендантское управление не может ответить на вопрос: за счет каких средств надо содержать ссыльных из Ташкента. Этот вопрос надо предварительно изучить, а уже потом отвечать на него. Однако, вопреки такому “прогнозу”, Главное Интендантское управление уже 20 сентября 1865 г. прислало в ГУГШ отношение, в котором отмечало, что, по его мнению, ссыльных “сартов” из Ташкента можно содержать за счет “остатков из сумм § 7 сметы Военного министерства на 1865 год”. При этом интендантское ведомство указывало, что оно не против такого решения вопроса, но его нужно решать только в установленном порядке.

22 сентября 1865 г. ГУГШ подготовило доклад “О высылке из Туркестанской области лиц, оказывающих вредное влияние на туземцев”⁴. В докладе излагалась вся переписка по этому вопросу: мнения Дюгамеля, Крыжановского, генерал-аудитора, интендантства и проч. В своих выводах ГУГШ рекомендовало военному министру “испросить Высочайшее повеление” на то, чтобы военный губернатор Туркестанской области мог применять по отношению к ссылаемым из подведомственных ему пределов “вредных” жителей “постановления, какие допущены для кавказских туземцев”. Предлагалось: а) места ссылки избирать по указанию министра внутренних дел; б) ссыльных содержать “не вроде арестантов, а под строгим присмотром местной полиции, так как лица эти не совершили никакого преступления, а взяты лишь в виду вредного влияния, какое они имели на туземное население”. В документе также указывалось: “Что касается до размеров содержания, которое должно быть отпускаемо выселенным сартам, то по существующим законоположениям, им следовало бы нанимать квартиры от казны, полагая на то в месяц 1 руб.

¹ Сартами называли оседлых жителей Туркестана – В.Л.

² РГВИА. Ф. 38. Оп. 8. Д. 97. Л. 1–2.

³ Там же. Л. 3, об.

⁴ РГВИА. Ф. 38. Оп. 8. Д. 97. Л. 10–16, об.

50 коп., и на содержание производить по 15 коп. серебром в сутки”. В “Справке”, приложенной к докладу, отмечалось, что содержание ссыльным следует определять на основании соответствующих установлений. В заключение ГУГШ испрашивало разрешение военного министра “войти в сношения” на сей счет с МВД и, в случае его согласия, поступить так, как предлагалось в докладе.

25 сентября 1865 г. военный министр направил копию “Доклада по Главному управлению Генерального штаба” от 22 сентября 1865 г. министру внутренних дел П.А. Валуеву и в сопроводительном письме просил того разрешить и впредь высылать из Туркестанской области “туземцев”, вредно влияющих на местное население, в Западную Сибирь. П.А. Валуев взял длительную паузу и только 18 ноября 1865 г. писал в военное министерство о том, что он согласен, чтобы начальство Туркестанской области и впредь высылало “вредных” и опасных для русской власти “туземцев” не только в Западную, но и Восточную Сибирь, однако только в Томскую и Енисейскую губернии, сообщая о каждом сосланном подробные сведения в МВД. Что касается содержания ссыльных, то П.А. Валуев уточнял, что кавказским “туземцам”, сосланным в Сибирь в административном порядке, выделялось для найма квартир от 1 руб. 20 коп. до 1 руб. 50 коп., но лишь “привилегированным”, а не всем из них. Министр внутренних дел указывал, что он не может решить вопрос о “приравнении” туркестанских ссыльных к кавказским, а равно и установить им одинаковое содержание как “столовое”, так и “квартирное”. П.А. Валуев предлагал военному министру войти относительно решения этого вопроса с соответствующим докладом непосредственно на усмотрение “Государя Императора”, чтобы тот лично утвердил представленные нормы содержания ссыльных “туземцев” из Туркестанской области¹. 2 декабря 1865 г. ГУГШ составило для Милютина “всеподданнейший доклад” по указанному вопросу под названием: “О высылке из Туркестана вредных лиц”, в котором излагались все мнения по этому поводу². В докладе предлагалось установить для ссыльных из Ташкента ежедневное содержание в 30 коп. для “знатных”, и по 15 коп. для каждого члена их “прислуги”, а на найм квартир ежемесячно выделять по 1 руб. 50 коп. с отнесением этих расходов за счет “остатков” от интендантской сметы Военного министерства. Любопытно, что в черновом варианте этого “всеподданнейшего доклада” добродетельный военный министр Д.А. Милютин исправил сумму ежедневного содержания членам прислуги с 10 коп. на 15 коп.

В заключение, во “всеподданнейшем” докладе испрашивалось также царское утверждение факта ссылки военным губернатором Туркестанской области “вредных туземцев” и разрешения последнему продолжать ссылать административным образом “вредных” для русской власти “туземцев” области, но с тем, чтобы он каждый раз согласовывал свое решение о такой мере с Оренбургским генерал-губернатором, а тот – с министром внутренних дел.

13 декабря 1865 г. военный министр вошел с этим докладом к императору Александру II, который утвердил его. 13 декабря 1865 г. Милютин писал Крыжановскому о том, что “Государь Император” предоставил начальнику Туркестанской области право удалять из нее в административном порядке всех неугодных ему “вредных лиц с назначением им для жительства исключительно Енисейской и Томской губерний”.

А ссыльные ташкентцы пробыли на чужбине недолго. Уже 10 февраля 1867 г. Мирдзалиям-ахун, Музхаффар-Куча, Халимбай-мирза и Фаизбай направили прошение императору Александру II. Начиналось оно следующим образом: “Просьба к Белому Царю нашему Могушественному, Милостивому, Сильному и Державному Царю нашему”. Далее следовала просьба вернуть Муллу Салиха и его товарищей из ссылки как одумавшихся от прошлых заблуждений и готовых служить царю верой и правдой. Они писали о том, что поддержали при обороне Ташкента муллу Салиха, но “это было сделано им, собственно, для охранения наших детей и семейств, но замысла против Правительства он не имел”³. Под прошением стояли подписи и печати 38 “почетных туземцев” Туркестанской области⁴.

28 марта 1867 г. Оренбургский генерал-губернатор запросил проживавшего в Санкт-Петербурге Черняева о том, за что им были сосланы просители. 4 апреля 1867 г. Черняев объяснял Крыжановскому то, что тот должен был помнить и без него. При этом он писал: “Муллу Салимбек – фанатик, обладает даром слова и отличается бескорыстием – качествами почти небывальными между мусульманами и потому придававшими ему особое значение в народе”. Черняев указывал, что он сам при отъезде из Ташкента в 1866 г. хотел просить вернуть Салимбека с товарищами, поскольку при спокойной обстановке в крае, ни он, ни его товарищи не представляют опасности для русских интересов⁵. Крыжановский поинтересовался и мнением действующего начальника Туркестанской области, генерал-майора Д.И. Романовского. Тот тоже при-

¹ РГВИА. Ф. 38. Оп. 8. Д. 97. Л. 20–21.

² Там же. Л. 25–29, об.

³ ЦГА Узб. Ф. 1. Оп. 20. Д. 1369. Л. 12.

⁴ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 104. Л. 4–4, об.

⁵ ЦГА Узб. Ф. 1. Оп. 20. Д. 1369. Л. 4–4 об.

знал возможным помиловать сосланных и вернуть их домой. 24 апреля 1867 г. Оренбургский генерал-губернатор писал Милютину о том, что “в настоящее время нет особых уважительных причин к отказу в удовлетворении ходатайства о возвращении муллы Салиха вместе с ним сосланными”¹.

В июле 1867 г. фактически одновременно были учреждены Туркестанское генерал-губернаторство (край) и Туркестанский военный округ². Их руководителем стал генерал-адъютант К.П. Кауфман. Военный министр считал, что будет лучше, если администрация нового края сама решит этот вопрос в установленном порядке. 19 июля 1867 г. начальник Главного штаба, граф Ф.Л. Гейден писал Кауфману о том, что теперь он сам должен решить: возвращать Муллу Салиха с приверженцами домой или нет. При этом он направил Кауфману соответствующие документы по этому вопросу. Но Кауфман уже знал суть дела – перед отъездом к месту назначения он имел беседу с военным министром по данному поводу. Поэтому, по приезду в Ташкент (7 ноября 1867 г.), Кауфман в рапорте Милютину от 16 декабря 1867 г. уже официально, как того требовал установленный порядок, просил того ходатайствовать перед императором об освобождении черняевских ссыльных³.

¹ ЦГА Узб. Ф. 1. Оп. 20. Д. 1369. Л. 8.

² См.: ПСЗРИ-2. Т. 42. Отд. 1. СПб., 1871. № 44-831. С. 1150–1151; № 44844. С. 1156–1164.

³ РГВИА. Ф. 38. Оп. 8. Д. 97. Л. 9.

Азиатская часть Главного штаба подготовила “всеподданнейший” доклад, в котором испрашивалось разрешение императора на возвращение из ссылки ташкентцев. Милютин вошел с ним к царю 15 февраля 1868 г. и тот наложил на докладе положительную резолюцию. 17 февраля 1868 г. начальник Главного штаба сообщил об этом Кауфману. 22 февраля 1868 г. военный министр уведомил о царском решении главу МВД. Милютин просил его дать соответствующие указания генерал-губернатору Западной Сибири А. Хрущеву, чтобы Муллу Салиха и его товарищей побыстрее отпустили домой. Недавно назначенный (в марте 1868 г.) новый министр внутренних дел А.Е. Тимашев вскоре писал военному министру о том, что Хрущев исполнил царское решение и отпустил домой ссыльных ташкентцев⁴. И уже 2 августа 1868 г. все они прибыли в Ташкент. Судя по документам, эта акция русской власти была воспринята мусульманами края с пониманием и должным образом ими оценена.

Вышеизложенное свидетельствует о том, что царская власть в Русском Туркестане пресекала антиправительственные выступления мусульманского духовенства в регионе, однако делала это в ограниченном количественном измерении и весьма милосердном качественном, применяя лишь административную ссылку, вместо более суровых мер наказания.

⁴ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 104. Л. 9–13.